

Чудовъ монастырь.

ГРАФЪ ТОЛСТОЙ
И
НАШЕ НЕВѢРІЕ.

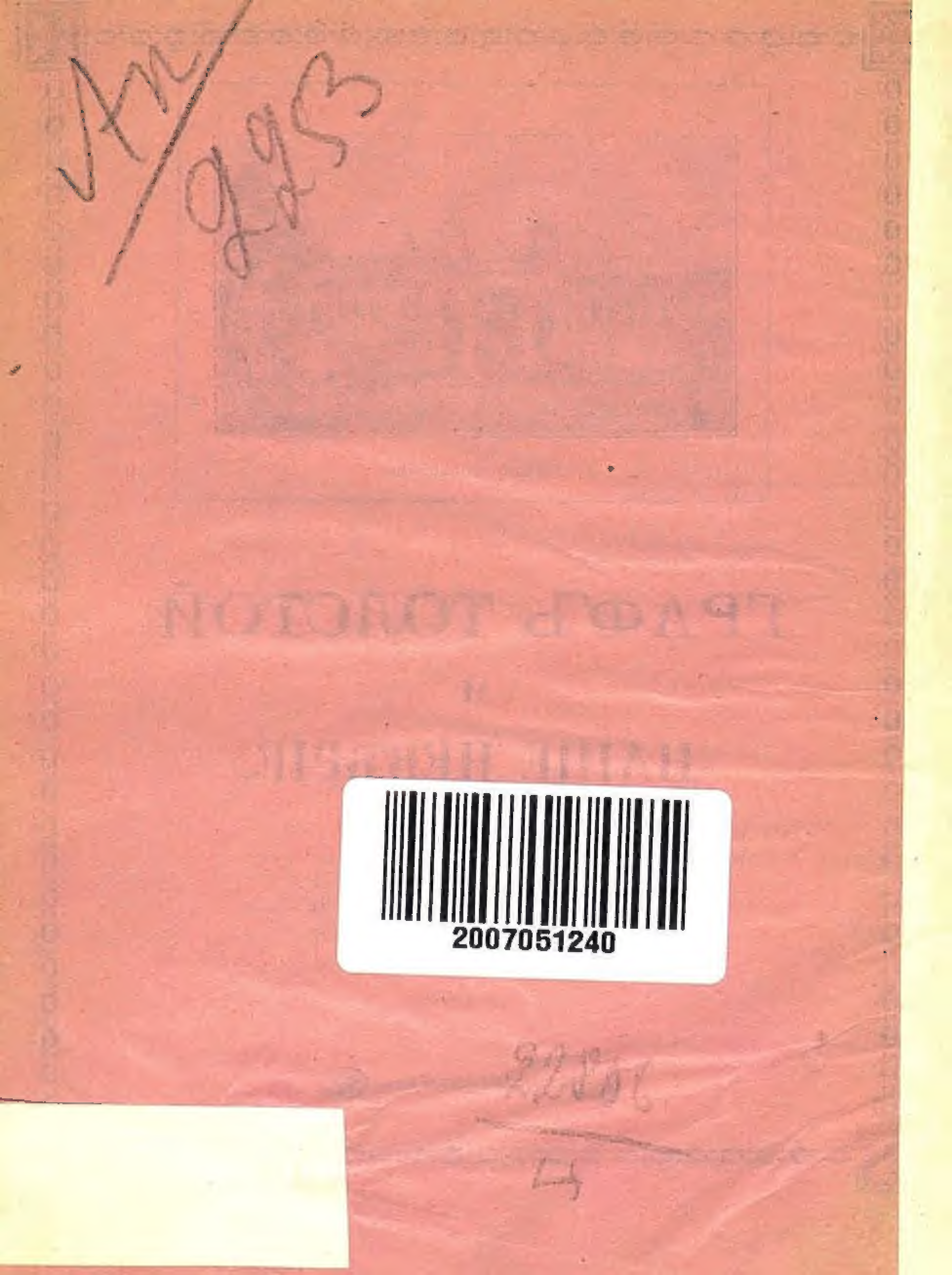
Изданіе Чудова монастыря.

Печатня А.И. Снегиревой Москва.

1911.

Графъ Толстой и наше невѣріе.

Трудно понять, какъ это люди, именующіе себя православными христіанами, могутъ почитать и одобрять графа Толстого. Это можно объяснить полнымъ незнаніемъ воззрѣній Толстого и желаніемъ слѣдовать модѣ, быть передовыми людьми, неотсталыми, слѣдовательно одобрять все то, что современно, оригинально, ново,—или же сознательнымъ отношеніемъ къ его ученію. Но въ такомъ случаѣ почитатели Толстого безчестно прикрываются именемъ православныхъ христіанъ, ибо они не христіане, а безбожники, какъ и самъ Толстой. Вотъ, съ одной стороны—наша вѣра, упованіе, а съ другой—измышленіе Толстого. Мы, православные, вѣруемъ, что есть Богъ, Творецъ всего міра, Богъ живой, личное существо, что Онъ слышитъ наши нужды, что Онъ Отецъ и Промыслитель всѣхъ. По Толстому же такого Бога нѣтъ. Въ сущности, говоритъ Толстой, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога Творца и никакой нѣтъ въ этомъ нужды. Бога Творца нѣтъ. Что же Богомъ называетъ Толстой (ибо въ его сочиненіяхъ это слово также нерѣдко употребляется)? Онъ употребляетъ слово Богъ въ своемъ собственномъ смыслѣ; у него Богъ—природа, вещество со своими силами и законами; вся природа Богъ, а такъ какъ и я составляю часть природы, то и я часть Бога. Мы, далѣе, православные христіане вѣруемъ въ Святую

Троицу; это главный пунктъ нашей вѣры. Онъ же ее отвергаетъ. Я отвергаю, говоритъ Толстой, непонятную Троицу. Мы, православные, вѣруемъ въ Сына Божія, Спасителя міра, вочеловѣчшагося ради нашего спасенія, страдавшаго и погребеннаго и въ третій день воскресшаго. Мы не можемъ себѣ представить, какъ это возможно отвергать Искупителя. По мнѣнію же Толстого, Господь Спаситель не есть Богъ, второе Лицо Святой Троицы, воплотившійся Сынъ Божій, а простой человѣкъ. Я отвергаю неимѣющую никакого смысла въ наше время басню о паденіи перваго человѣка, кощунственную исторію о Богѣ, родившемся отъ Дѣвы и искупляющимъ родъ человѣческій. Слышите ли, православные? главное наше упованіе о искупленіи насъ грѣшныхъ Христомъ Спасителемъ Толстой считаетъ баснею! Далѣе, для насъ православныхъ святое Евангеліе есть священнѣйшая книга, гдѣ Духомъ Святымъ черезъ евангелистовъ записаны глаголы живота вѣчнаго. Ни одной іоты мы, православные, не дерзнемъ въ ней измѣнить, исправить, помня заповѣдь апостола Павла, который говоритъ, что все потребное къ нашему спасенію сказано и записано, и если кто, даже ангелъ, сталъ бы иначе проповѣдывать, чѣмъ они апостолы, да будетъ тому анаѳема. Какъ же смотритъ Толстой на св. Евангеліе? Для него оно обыкновенная человѣческая книга, которую можно исправлять, и вотъ, онъ, Толстой, усмотрѣлъ въ ней много ошибокъ. Вотъ что онъ говоритъ о своемъ первомъ чтеніи св. Евангелія. Я находился, читаемъ мы у него, въ положеніи человѣка, который бы получилъ мѣшокъ грязи. Можно ли дойти до большей дерзости! Какое кощунство! Толстой называетъ грязью все то, что не пришлось по вкусу ему, Толстому, въ св. Евангеліи! А это именно ученіе о Богѣ личномъ, Христѣ Спасителѣ, Его страданіи и воскресеніи, загробной жизни, будущемъ судѣ и мздовоз-

даяніи. Все это Толстой отвергаетъ. Для насъ, православныхъ, далѣе, святые апостолы хотя и были простого званія, но они получили даръ Духа Святаго, были носителями Его, были боговдохновенными писателями, и все въ ихъ писаніяхъ истинно. Толстой же апостоловъ называетъ людьми малообразованными и суевѣрными и осмѣливается даже заявлять, что апостолы лгали, когда утверждали, что на нихъ сошли огненные языки и что они видѣли воскресшаго Христа. Для насъ православныхъ неизмѣримое значеніе имѣютъ святыя таинства и особенно таинство Тѣла и Крови Христовыхъ. Толстой же надъ христіанскими таинствами глумится и, особенно, надъ Святымъ Причащеніемъ. Стоитъ только прочитать въ заграничномъ изданіи его романъ „Воскресеніе", чтобы убѣдиться въ ужаснѣйшемъ кощунствѣ невѣрующаго графа. Для насъ православныхъ большое утѣшеніе составляютъ чудотворныя иконы и особенно Божіей Матери. Сколько милости Божіей изливается черезъ нихъ на насъ грѣшныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, Иверскую икону Божіей Матери. Толстой же все это отвергаетъ и такъ ужасно выражается о Иверской, что даже нѣтъ возможности о семъ сказать, а это каждый можетъ узнать изъ его сочиненій, изданныхъ за границей. о довольно,—очень ужъ оскорблено наше христіанское чувство неизмѣримымъ кощунствомъ Толстого. Толстой это въ олномъ смыслѣ безбожникъ. Но какъ смотрѣть на то, что ъ своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ о Богѣ, евангеліи, правдѣ, юбви и другихъ христіанскихъ началахъ. Графъ Толстой ъ этомъ отношеніи обольститель. Онъ воспитался и выросъ реди христіанъ, которые живутъ указанными евангельскими ачалами,—какъ же можно было привлечь Толстому къ себѣ вниманіе, какъ не проповѣдуя о правдѣ и любви, но только равдѣ и любви не истинныхъ, а своеобразныхъ, толстовскихъ. Уже Самъ Христосъ Спаситель говорилъ и указывалъ

на то, что не явно, не въ своей одеждѣ, будутъ приходить вредные люди, а прикрываясь истиною. „Берегитесь, говорилъ Господь, чтобы кто не прельстилъ васъ. Ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ и многихъ прельстятъ“ (Матѳ. 24, 4. 5). Посмотрите, не точное ли это предсказаніе о Толстомъ? Не онъ ли прикрылся словами: Богъ, Христосъ, Евангеліе, правда, любовь, не указывая, однако, истиннаго смысла ихъ, Толстой прикрылся евангеліемъ какъ по слову Спасителя, волки прикрываются овечьей одеждой, чтобы не испугать сразу стада и не отвратить отъ себя? Не подъ именемъ ли Христовымъ пришелъ Толстой, называя себя христіаниномъ, объясняя евангеліе, проповѣдуя будто о Христѣ, и не прельстилъ ли онъ многихъ? Самъ Антихристъ, по вѣрованію Церкви, употребитъ тотъ же способъ обольщенія, завлекая сначала христіанскими началами, а потомъ открыто возстанетъ на Христа. А если такъ, если черезъ обольщенія будутъ дѣйствовать антихристовы слуги, то дѣлается страшно, ибо этотъ способъ весьма тонкій, хитрый и опасный; можно незамѣтно для себя отдалиться отъ истины Христовой черезъ обольщеніе. Но есть такіе пункты нашей вѣры, держась которыхъ, врагъ насъ не одолѣетъ. Эти пункты слѣдующіе: 1) вѣра въ святую Троицу, 2) вѣра въ Спасителя, какъ Богочеловѣка, нашего Искупителя, 3) вѣра во святыя таинства, черезъ которыя подается намъ благодать Божія, 4) твердое пребываніе въ оградѣ Церкви. Держась этихъ пунктовъ, никакой слуга антихристовъ насъ не обольститъ!

†

Графъ Толстой умеръ. Болѣзнь и смерть его произвели необычайный шумъ въ нашемъ невѣрующемъ обществѣ. Что же это за шумъ? Толстой слишкомъ былъ извѣстенъ и не столько

по своимъ сочиненіямъ, сколько по проповѣди, въ которой онъ отвергъ Христа, какъ Бога, отвергъ благодатныя таинства, отвергъ все, что только дорого православному христіанину. Толстой былъ безбожникъ. Это-то и создало ему почитаніе въ нашемъ невѣрующемъ обществѣ и вызвало шумъ при концѣ его жизни. Это тотъ шумъ, создаваемый нечестивцемъ-богоотступникомъ, о которомъ говоритъ Псалмопѣвецъ: «и погибе память его съ шумомъ» (Псал. IX, 7). И чѣмъ болѣе человѣкъ отступаетъ отъ Бога, тѣмъ болѣе можетъ быть сей шумъ. «И погибе память»... память о нечестивцѣ погибаетъ, уничтожается на вѣки, хотя, правда, и «съ шумомъ». При жизни Толстого много о немъ шумѣли, при болѣзни и смерти въ особенности, но вѣримъ: пройдетъ немного времени и погибнетъ память о немъ, какъ она погибла уже о многихъ подобныхъ Толстому невѣрахъ и богоотступникахъ. Но что сказать о нашемъ обществѣ, которое создало сей шумъ?— Оно показало, насколько у насъ пала вѣра, насколько мы удалились отъ Церкви Святой. Скажи ты мнѣ: дорогъ ли тебѣ Господь, Спаситель, Искупитель отъ грѣха, воскресшій изъ мертвыхъ и вознесшійся на небо? Скажи ты мнѣ: дороги ли тебѣ таинства, въ которыхъ ты получаешь благодать, спасающую тебя? Скажи ты мнѣ: дороги ли тебѣ чудотворныя иконы, св. мощи и все святое, чѣмъ богата наша Православная Церковь? – Какъ же ты отнесешься къ человѣку, который все это ниспровергъ, осмѣялъ, поругалъ? Что нибудь должно быть одно: или тебѣ дорога вѣра, тогда ты противника ея не будешь превозносить; или же ты потерялъ вѣру, она стала тебѣ не мила,—ну, тогда, конечно, ты сдружишься и съ богооступникомъ. Наше общество воздаетъ необычайное почитаніе вѣроотступнику Толстому и этимъ самымъ показываетъ, какъ оно удалилось отъ вѣры и Церкви. Толстой и его почитаніе — это знаменіе времени: по этому почитанію

мы можемъ судить, какъ и при послѣднемъ времени христіане легко станутъ переходить на сторону антихриста. Предъ пришествіемъ Христовымъ явится антихристъ, который на свою сторону привлечетъ неимовѣрное количество христіанъ, прельститъ, «аще возможно, и избранныя» (Матѳ. XXIV, 14). Знаешь это вѣрованіе Церкви и удивляешься: неужели это будетъ, неужели почти всѣ оставятъ Христа Спасителя? А вотъ вамъ уже начало этого отступленія—почитаніе Толстого. И какой стыдъ и позоръ намъ русскимъ, именуемымъ православными христіанами! Мы начинаемъ устраивать похороны гражданскія, служить панихиды не христіанскія, а какія то языческія, ибо какъ, напримѣръ, по Толстомъ во многихъ мѣстахъ служили панихиды?—ставили по срединѣ комнаты на столѣ его портретъ и воздавали ему почести... О, знаменіе времени, о, приближеніе послѣднихъ христіанскихъ временъ!! Но, однако, какъ трудно умирать безъ Бога: богоотступника при концѣ жизни мучитъ безпокойство. Это самое случилось, повидимому, и съ Толстымъ. Внезапное исчезновеніе его незадолго до смерти изъ дому, стремленіе къ уединенію, поѣздка въ Оптину пустынь и въ Шамардинскій женскій монастырь къ сестрѣ,—что все это значитъ? Несомнѣнно у Толстого явилось желаніе отвести, какъ говорится, душу. Вотъ что, напр., сдѣлалось извѣстнымъ о пребываніи Толстого у своей сестры монахини Маріи въ Шамардинѣ. „Встрѣча Толстого съ сестрой, пишетъ одинъ насельникъ Оптиной пустыни, была трогательная: онъ обнялъ сестру, поцѣловалъ и на плечѣ рыдалъ не меньше 5 минутъ. Потомъ долго сидѣли вдвоемъ, говорили много. Вотъ его слова: «Сестра! я былъ въ Оптиной, какъ тамъ хорошо! съ какою радостію я теперь надѣлъ бы подрясникъ и жилъ бы, исполняя самыя низкія и трудныя дѣла, но поставилъ бы условіе не принуждать меня молиться; этого я не могу».

Сестра отвѣчала: «это хорошо, братъ, но и съ тебя взяли бы условіе—ничего не проповѣдывать и не учить».—«Чему учить? тамъ надо учиться; въ каждомъ встрѣчномъ насельникѣ я видѣлъ только учителей. Да, сестра, тяжело мнѣ теперь. А у васъ—что какъ не Эдемъ? Я и здѣсь бы затворился въ своей хижинѣ и готовился бы къ смерти: вѣдь 80 лѣтъ и умирать надо»,—сказалъ графъ. Потомъ, наклонивъ голову, онъ задумался до тѣхъ поръ, пока не напомнили ему, что онъ уже кончилъ обѣдъ. «Ну, а видѣлъ ты нашихъ старцевъ?» спросила его сестра.—«Нѣтъ» отвѣтилъ графъ. Это слово «нѣтъ» было сказано, по словамъ сестры, такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что онъ сознаетъ свою ошибку въ жизни. «А почему же?» спросила сестра.—«Да развѣ ты думаешь, что они меня примутъ; ты не забудь, что истинно - православные, крестясь, отходятъ отъ меня; ты забыла, что я отлученъ, что я—тотъ Толстой, о которомъ можно... Да что сестра, оборвалъ свою рѣчь графъ,—я взадъ не горюю; завтра же я ѣду въ скитъ къ отцамъ, только я надѣюсь, какъ ты говоришь, что они меня примутъ» (Письмо Оптинскаго монаха Эраста. Колоколъ № 1389). Не ясно ли изъ всего этого, что Толстой предъ смертію почувствовалъ безпокойство и къ чему-то стремился, у него начинался въ душѣ какой-то переломъ? Но, очевидно, было уже поздно. Господь не принялъ его и Толстой умеръ въ разрывѣ съ Церковію. Говорятъ, что этому, отчасти, причиной были родные и друзья, такіе же невѣры, какимъ былъ и онъ, которые, боясь, какъ бы графъ и въ самомъ дѣлѣ не покаялся, поспѣшили явиться въ Оптину пустынь, выхватили его оттуда, повезли его куда-то, но онъ на дорогѣ умеръ... Намъ же кажется: Господь не принялъ уже Толстого, ибо слишкомъ онъ удалился отъ Господа... Въ этомъ случаѣ исполнилось предсказаніе Кронштадтскаго пастыря о. Іоанна, который не

разъ говорилъ, когда его спрашивали, можетъ ли Толстой покаяться и соединиться съ Церковію: «нѣтъ», ибо онъ чрезмѣрно виновенъ хулою противъ Духа Святаго, а этотъ грѣхъ не прощается ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, и, при этомъ, батюшка о. Іоаннъ предсказывалъ Толстому особенную кончину, какъ въ дѣйствительности и случилась. Христосъ Спаситель, однажды, говорилъ невѣрующимъ іудеямъ: „различать лице неба вы умѣете, а знаменій временъ не можете“. (Мѳ. XVI, 3). Тоже сказалъ бы Спаситель и намъ. Мы теперь умѣемъ различать и цѣнить культуру, науку, сочиненія, а что Божіе—законы нашего духа—мы не понимаемъ и упускаемъ изъ виду. Мы цѣнимъ Толстого за его писанія, а того, что онъ богоотступникъ, предтеча антихристовъ, мы не хотимъ понять.

†

Господь сказалъ: „на камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей“. (Мѳ. 16, 1) и св. Православная Церковь непоколебимо стоитъ, всегда стояла и будетъ стоять по непреложному слову Господа до скончанія вѣка. Сколько было нападеній на св. Церковь! То ее думали сдвинуть съ истиннаго пути навязываніемъ новыхъ догматовъ (на Западѣ); то ее старались лишить богоучрежденной іерархіи, таинствъ, черезъ которыя подается вѣрующимъ благодать Божія (протестанты, наши раскольники); то кознями врага рода человѣческаго жизнь вѣрующихъ доходила до крайняго развращенія, такъ что готово было уже со стороны невѣрующихъ обвиненіе, будто бы Церьковь не улучшаетъ жизни людей, а потому не истинна. Но никакія силы ада доселѣ не подвинули св. Православной Церкви Христовой.

Она продолжаетъ строго содержать апостольское, подтвержденное и закрѣпленное вселенскими соборами, вѣроученіе; она имѣетъ таинства, въ которыхъ преподается богоучрежденной іерархіей вѣрующимъ благодать Божія, безъ которой не возможно намъ спастись; она не перестаетъ выдвигать со стороны своихъ членовъ необычайные образцы добродѣтельной жизни—признавъ, что Церковь не утратила своей правоспособности воспитывать вѣрующихъ и доводить ихъ до совершенства. Савята, соборна и истинна Православная Церковь! Слава же Милосердному Господу, что Онъ сподобилъ и насъ быть въ ея оградѣ. Кажется намъ остается только внимать ученію Церкви, пользоваться подаваемою ею благодатію и спасаться. Но нѣтъ, много среди насъ есть людей маловѣрующихъ, осуждающихъ св. Церковь, а то и совсѣмъ ее оставляющихъ. Гдѣ же причины этому печальному явленію? Причины эти надо искать въ насъ самихъ, часто слабыхъ умомъ и сердцемъ.

И прежде всего причиной невѣрія являются наше вольномысліе, невдумчивость, несерьезность. Кто не знаетъ какъ многіе изъ насъ, не имѣя основательныхъ познаній въ истинахъ вѣры, только слѣдуя модѣ, по своему легкомыслію, отрицаютъ религію. Встрѣтится невѣръ, станетъ судить, глумиться надъ всѣмъ святымъ и мы за нимъ. До этого времени мы довольствовались своею вѣрою, но вотъ случай и мы готовы продать ее. Въ житіи преп. Паисія Великаго разсказывается слѣдующее. Одинъ изъ учениковъ преподобнаго отправился однажды изъ пустыни въ городъ для продажи своихъ рукодѣлій. Дорогой, случайно, съ нимъ встрѣтился еврей и сталъ ему спутникомъ. Видя простоту инока и вступивъ съ нимъ въ разговоръ, еврей началъ отвергать божественное достоинство Спасителя. Слыша нечестивыя слова, инокъ не только не отвратилъ слуха своего отъ нихъ, но

даже съ любопытствомъ и какъ бы съ довѣріемъ внималъ злохуленію невѣрнаго. Вынужденный, наконецъ, къ отвѣту, инокъ отъ неразумія сказалъ: „можетъ быть это и справедливо, что; ты говоришь“, такъ по легкомыслію онъ отрекся отъ Христа. Не тоже самое часто бываетъ съ нами? Сколько у насъ легкомыслія относительно вѣры! Стоитъ хорошему нашему знакомому, другу, важному какому человѣку дурно отозваться о вѣрѣ и мы, въ угоду ему, готовы его поддержать, боясь его обидѣть, боясь показать себя отсталыми людьми, тогда какъ прогнѣвать Господа своею измѣною мы не боимся. О, легкомысміе и неразуміе наше! Какъ оно пагубно и неизвинительно въ дѣлѣ вѣры. Здѣсь нужна стойкость, твердость, непоколебимость, ибо вопросъ вѣры — вопросъ жизни или смерти, спасенія или погибели нашей души. Пришли однажды къ преподобному Агаѳону искусители и стали ему говорить: „ты авва блудникъ, гордецъ, пустословъ, клеветникъ“. „Да, правда. братія, я таковъ“. „Ты авва, продолжали тѣ же искусители, еретикъ“. „Нѣтъ, подождите, съ этимъ я не соглашусь, я не еретикъ“. Удивились искусители этому отвѣту преподобнаго и спросили: „почему ты па всѣ прежніе вопросы соглашался, а съ послѣднимъ нѣтъ и даже, видимо, оскорбился“. „Потому что первые пороки я признаю за собою и это признаніе полезно душѣ моей, а еретикомъ я не согласенъ быть, ибо это значило бы находиться въ отлученіи отъ Бога, а отлученнымъ отъ Него я быть не хочу, напротивъ, всегда желаю быть съ моимъ Господомъ и отъ Него не отступлю“. Вотъ намъ примѣръ для подражанія. Насъ постоянно искушаютъ, кругомъ насъ поводы, мотивы къ отреченію отъ Христа, отъ вѣры, но мы должны быть стойкими, должны быть всегда готовы ми дать такой отвѣтъ соблазнителямъ: мы дорожимъ своею вѣрою, мы не позволимъ глумиться надъ нею, наша вѣра свята и истинна!

Далѣе, второю причиною невѣрія является порочная развращенная жизнь. Вѣра, религія — дѣло высокое, святое, небесное. Чтобы ихъ понимать, нужно имѣть для этого условія. Слѣпой не пойметъ свѣта, глухой звука, развращенный высокихъ нравственныхъ истинъ. „Кое общеніе свѣту ко тмѣ", говоритъ слово Божіе. Какъ можетъ понять, оцѣнить добро тотъ, у кого совѣсть заглушена, кто погруженъ въ бездну страстей — вѣдь послѣднія застилаютъ духовныя очи его. „Въ злополучную душу, не внидетъ премудрость". Нуженъ душевный переворотъ, нужно просвѣтленіе, какимъ можетъ явиться только покаяніе, сокрушеніе, слезы умиленія, чтобы духовно прозрѣть и возчувствовать добро. Опытъ говоритъ, что порочная жизнь и невѣріе находятся въ связи. Развилось невѣріе въ обществѣ — значитъ, низко оно стоитъ въ нравственномъ отношеніи; сильна вѣра — процвѣтаетъ и христіанская жизнь. Вотъ и теперь мы всѣ жалуемся на упадокъ нравовъ, на развращеніе, — значитъ слаба у насъ вѣра. И дѣйствительно, кто не знаетъ, какъ у насъ теперь осмѣивается, попирается, отрицается все святое, все церковное. Люди, обратившіеся на путь покаянія, сознаются, что прежде въ грѣховномъ своемъ состояніи они считали непредосудительнымъ, негрѣховнымъ, это самое, въ просвѣщенномъ вѣрою сознаніи ихъ, при свѣтѣ евангелія, кажется дурнымъ. Чего раньше они не понимали въ области нравственныхъ истинъ, то, послѣ исправленія и покаянія, дѣлается для нихъ яснымъ. На очищеніи сердца основано и постепенное восхожденіе по пути высшаго духовнаго вѣдѣнія, духовнаго созерцанія подвижниковъ.

Наконецъ, причиною невѣрія является большое довѣріе силамъ разума, гордость ума. Ап. Павелъ говоритъ: „разумъ кичитъ". Мы возгордились своими познаніями, своимъ умомъ и готовы все истолковать разумомъ. Особенно часто впадаютъ

въ гордость ума люди отъ природы одаренные обширными способностями. При изслѣдованіи истинъ христіанскихъ, они принимаютъ за правило совѣтоваться только со своимъ собственнымъ разумомъ, признавать истиннымъ только то, что не превышаетъ ихъ понятій. Признавай, говорятъ они, только то, что внушаетъ тебѣ здравый разсудокъ и собственное внутреннее чувство совѣсти. Авторитета Церкви, мнѣнія другихъ людей, даже просіявшихъ въ вѣрѣ и благочестіи, они не признаютъ, ибо они слишкомъ горды своею ученостію, своими познаніями, чтобы воспринимать что либо со внѣ. А между тѣмъ забываютъ они ту истину, что какъ много значатъ въ дѣлѣ нашего міросозерцанія — складъ ума, настроеніе, воспитаніе, личныя особенности характера. Иной разъ не потому я такъ думаю, что это истинно и иначе думать нельзя, а потому что моя натура, дýховныя особенности склоняютъ меня къ тому или другому мышленію, — отсюда возможныя собственныя измышленія. Часто намъ нуженъ высшій авторитетъ, а въ дѣлѣ вѣры, если мы желаемъ быть непогрѣшимыми, безусловно необходимо братское общеніе въ союзѣ со св. Церковію. Какъ важно для выясненія и правильнаго уразумѣнія истинъ вѣры это общеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра записаннаго въ отечникѣ. Одинъ старецъ провелъ семьдесять недѣль въ постѣ, употребляя пищу только однажды въ недѣлю. Онъ постился, ибо просилъ у Бога, чтобы открыто было ему лично значеніе нѣкотораго изреченія въ Свящ. Писаніи, но Богъ не открывалъ ему. Видя это, старецъ сказалъ самъ въ себѣ: „вотъ я поднялъ не малый трудъ и ничего не успѣлъ; пойду лучше къ брату моему и спрошу его“. Когда онъ вышелъ изъ келліи и заперъ за собою дверь, посланъ былъ къ нему отъ Господа ангелъ, который сказалъ ему: „семьдесять недѣль, проведенныя тобою въ постѣ, не приблизили тебя къ Богу,

потому что ты гордъ былъ своимъ умомъ, своею праведностію, теперь же, когда ты смирился и вознамѣрился идти для вопроса и совѣта къ брату своему, я посланъ къ тебѣ истолковать значеніе изреченія". Не тоже ли самое можно примѣнить къ нашимъ невѣрующимъ мыслителямъ? Они, гордые своимъ умомъ, не хотятъ прислушиваться ни къ голосу св. Церкви, ни къ святоотеческимъ писаніямъ, толкуютъ вѣру самолично, не сознавая того, что истина часто бываетъ далеко сокрыта отъ нихъ Господомъ. И въ этомъ то самоличномъ толкованіи они доходятъ до отрицанія истинъ нашей св. вѣры, доходятъ до невѣрія—какъ графъ Толстой и подобные ему гордые мыслители. Отъ нихъ-то и распространилось у насъ повсюду невѣріе. Но спросите самихъ невѣрующихъ, находятъ ли они успокоеніе, удовлетвореніе въ своемъ невѣріи,-пусть они скажутъ намъ по совѣсти. Гордость, конечно, многимъ воспрепятствуетъ сознаться, открыть состояніе своего духа, однако, не мало есть примѣровъ, когда невѣрующіе, большею частію подъ вліяніемъ особенныхъ, чрезвычайныхъ обстоятельныхъ жизни, прорывались и обнаруживали все свое душевное состояніе. А душевное состояніе невѣрующихъ бываетъ самое ужасное, самое тяжелое. Это часто люди—мнительные. Потерявъ истинную вѣру, они впадаютъ въ массу суевѣрій. Это часто люди, у которыхъ стоитъ сломить гордость и они готовы поступиться тѣмъ, что проповѣдывали. Про одного невѣрующаго намъ пришлось читать. Однажды былъ онъ неожиданно позванъ къ одру умирающей любимой дочери. Невѣрующій подошелъ къ смертному одру своей дочери, воспитанной матерію въ духѣ св. евангелія и съ глубокою горестію взялъ холодѣющую руку своей любимицы. Тогда дочь еще разъ приподнялась на своемъ ложѣ и сказала: „отецъ! я умираю. Скажи же мнѣ въ послѣдній разъ, какъ я должна умереть: вѣруя ли въ то,

чему училъ ты, или чему учила меня покойная мать“? Неверующій подумалъ съ минуту и сказалъ: „вѣрь въ то, чему научила тебя твоя мать“. Въ 29-мъ номерѣ Сунодальныхъ Церковныхъ Вѣдомостей за 1905-й годъ, въ извлеченіи изъ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, передаются слѣдующія обстоятельства кончины графа Сергія Н. Толстого, родного брата Льва Н. Толстого. Будучи невѣрующимъ какъ и братъ, Сергѣй Н. передъ кончиной мучимъ былъ страхомъ смерти. Мѣстный священникъ увѣщавалъ его похристіански приготовиться къ смерти—поисповѣдаться и причаститься Св. Животворящихъ Тайнъ Христовыхъ. Графъ долго не соглашался, видимо, стыдясь брата. Но вотъ пришелъ еще разъ священникъ незадолго до смерти Сергія Н. и снова спрашиваетъ его: „ну что графъ рѣшили (причаститься)?“. „Да батюшка рѣшилъ. И знаете ли что? Братъ одобрилъ мое намѣреніе: что же? очень хорошо сдѣлаешь, сказалъ мнѣ Левъ“. И затѣмъ, когда вѣрующая сестра графа Льва Н. благодарила послѣдняго за одобреніе умершему брату причаститься, графъ Левъ Н. при этомъ разрыдался и поспѣшилъ удалиться въ другую комнату. Что означаютъ слова графа: „что же, очень хорошо сдѣлаешь“ и эти его рыданія? Оплакивалъ ли, графъ измѣнника брата, теперь безвозвратно погибшаго для него, или можетъ быть, въ тайникѣ души его заговорило что-то другое?—быть можетъ даже блеснуло у него сознаніе, что онъ теперь чужой для Церкви, для русскихъ, почувствовалъ, что въ протекшей его жизни съ нимъ произошло нѣчто особенное, что онъ что-то потерялъ, потерялъ то, чѣмъ пользуются для своего утѣшенія другіе..... близкіе даже ему люди. Несомнѣнно только то, что всякій невѣрующій въ глубинѣ своей души носитъ много нерѣшенныхъ вопросовъ, много сомнѣній. Были случаи, когда у невѣрующихъ вдругъ являлась мысль, а что если справедливо то,

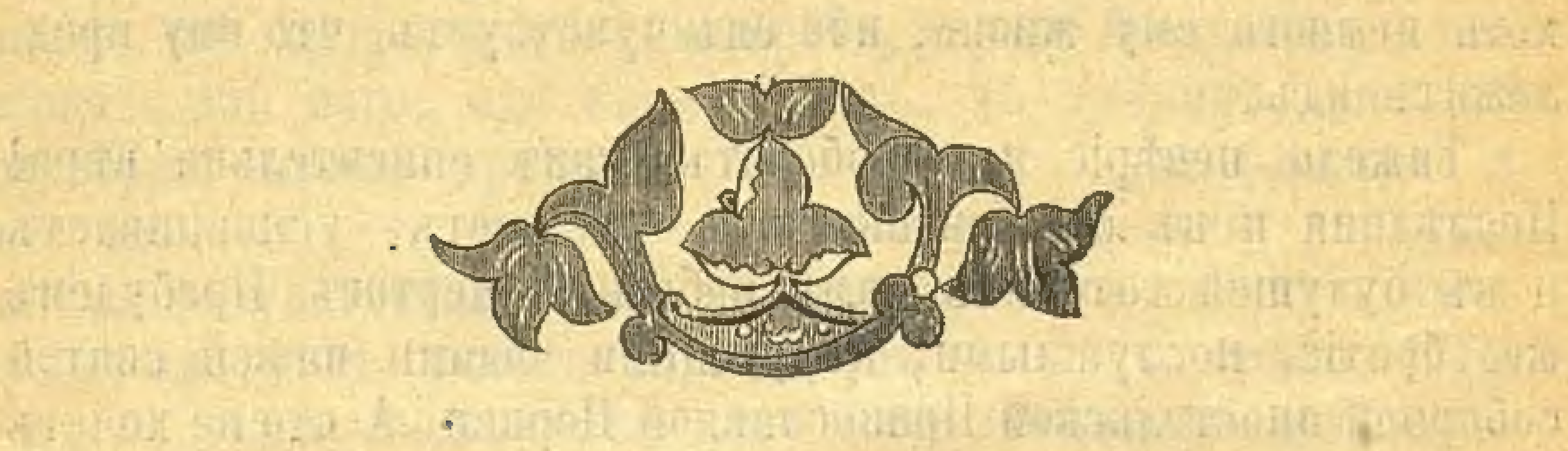
что говоритъ Библія, а что если есть адъ, вѣчныя мученія, при чемъ я тогда останусь, и эти вопросы у иныхъ вызывали тяжелое, угнетенное состояніе духа. И въ самомъ дѣлѣ, отвергая Бога, вѣчную жизнь они должны наслѣдовать адъ со всѣми его ужасами! Покойный Митрополитъ Филаретъ Московскій такъ увѣщавалъ невѣрующихъ: вѣря вѣчному мученію и сообразно съ сею вѣрою располагая дѣла свои, мы ничего не теряемъ, если бы даже наша вѣра оказалась тщетною, но смѣясь надъ вѣрою и отвергая ее, мы подвергаемъ себя опасности наслѣдовать вѣчное мученіе, а каково намъ тогда будетъ?

Да, не позавидуешь положенію невѣрующихъ! Имъ готовится въ загробной жизни осужденіе, да и въ сей жизни они уже получаютъ нѣкоторую долю мздовоздаянія, ибо часто ихъ поражаетъ ужасная душевная мука, тревога, убійственное изнеможеніе духа, недовольство всѣмъ окружающимъ, оцѣпенѣніе всѣхъ душевныхъ силъ, страшная предсмертная туга. Одинъ извѣстный невѣрующій (Вольтеръ), который при жизни хвалился, что онъ своими сочиненіями, своимъ умомъ истребитъ христіанство, на смертномъ одрѣ испытывалъ ужасный страхъ. Онъ въ отчаяніи умолялъ врача продлить еще хоть немного ему жизнь, ибо онъ чувствуетъ, что ему предлежитъ адъ.

Тяжело невѣріе и, наоборотъ, какъ спасительна вѣра! Послѣдняя и въ сей жизни насъ утѣшаетъ, успокаиваетъ и въ будущей готовитъ намъ небесный чертогъ. Пребудемъ же, братіе, послушными, вѣрующими чадами нашей святой соборной апостольской Православной Церкви. А кто не хочетъ быть покорнымъ сыномъ ея, тотъ выслушай грозное слово Самого Господа Главы Церкви: „аще Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“! Господь поручилъ Церкви дѣло нашего спасенія и потому всякое само-

чиніе въ семъ дѣлѣ ведетъ прямо къ погибели. „Кто Церковь не слушаетъ, тотъ не есть сынъ Церкви; кто не сынъ Церкви, тому Христосъ не пастырь; кому Христосъ не пастырь, тотъ не Христова овца; кто не Христова овца, тотъ напрасно ожидаетъ вѣчной жизни". „Хочешь спастись, поучаетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—пребывай въ Церкви и она не выдастъ тебя; Церковь есть ограда, если ты внутри сей ограды, то тебя не тронетъ волкъ; а если выйдешь вонъ, то будешь похищенъ звѣремъ. Не уклоняйся же Церкви: нѣтъ ничего въ мірѣ сильнѣе ея. Она твоя надежда, въ ней твое спасеніе". „Какъ безъ корабля, говоритъ другой св. отецъ Кипріанъ, нельзя переплыть море и достигнуть пристанища благотишнаго, такъ нельзя безъ повиновенія ученію Православной Церкви достигнуть спасенія душевнаго. Ее возлюби какъ матерь, ей повинуйся и само Слово Божіе бойся толковать по своему. Ей даны ключи разумѣнія и она одна непогрѣшимая истолковательница его. Помни: кому Церковь не мать, тому Богъ не отецъ". Аминь.

Архимандритъ Арсеній.

Отъ Моск. Дух.-Цен. Ком. печ. дозв. Моск. 1911 г. Марта 13 д.Ценз. Прот. *I. Соловьевъ*

8133. Печатня А. И. Снегиревой. Москва, Остоженка, соб. д. Тел. 22-21.

Отъ Чудова монастыря изданы слѣдующія книги:

1. Житіе Святителя Алексія.

Цѣна:	безъ переплета	20 к.
„	въ корешкѣ	25 „
„	въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ	40 „

2. Московскій каѳедральный Чудовъ монастырь.

Цѣна:	безъ переплета	15 к.
„	въ корешкѣ	20 „
„	въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ	35 „

3. Акаѳистъ Святителю Алексію съ службами на 12 февраля и 20 мая *въ 4-ю долю листа.*

Цѣна:	въ бумажкѣ	40 к.
„	въ корешкѣ	80 „
„	въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ	1 р. —

Акаѳистъ Святителю Алексію съ службою на 12 февраля *въ 8-ю долю листа.*

Цѣна:	въ бумажкѣ	25 к.
„	въ корешкѣ	30 „
„	въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ	50 „

Тоже *въ 16-ю долю листа.*

Цѣна:	въ бумажкѣ	20 к.
„	въ корешкѣ	25 „
„	въ корешкѣ съ золотымъ тисненіемъ	30 „

Росписаніе богослуженій въ Московскомъ Каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ съ краткимъ описаніемъ сего монастыря.

Цѣна: на хорошей бумагѣ	5 к.
„ „ простой „	3 „
Отеческіе Завѣты Свят. Алексія	1 „

Исцѣленіе татарской царицы Тайдулы Святителемъ Алексіемъ (въ стихахъ).	5 к.
Духовный дневникъ А. А. за 1909 г.	15 „
Духовный дневникъ А. А. за 1910 г.	20 „
Новогоднія пожеланія христіанина	1 „
Наше невѣріе	2 „
О сквернословіи.	1 „
Бросьте курить табакъ	1 „
Храни, христіанинъ, чистоту и цѣломудріе	1 „
Духовные Стихи	1 „
Христосъ Воскресе	1 „
Христосъ—миръ нашъ	1 „
Не упивайтесь виномъ	1 „
О духовной прелести	1 „
Объ исповѣди и Св. Причащеніи	1 „
Графъ Толстой и наше невѣріе.	2 „

2007051240